

Ружаньский против Польши

[Róžański – Poland] (№ 55339/00)

Постановление от 18 мая 2006 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель по настоящему делу начал сожительствовать со своей знакомой в 1990 году, а в 1992 году у них родился сын. В 1994 году сожительница заявителя ушла из дома, оставив у заявителя своего сына. Вскоре после этого ребенок заболел, и его положили в больницу. Тогда мать мальчика забрала его из больницы и скрывалась вместе с ним в течение нескольких месяцев. Заявитель больше не видел ребенка, но добивался, чтобы его отцовство было признано законом. Он обратился в Окружной суд с просьбой назначить опекуна для представительства интересов ребенка в деле о признании отцовства. Он также просил прокурора, чтобы тот возбудил от его имени дело о признании отцовства. В 1995 году прокурор пришел к выводу, что прокуратуре нецелесообразно удовлетворять ходатайство заявителя, так как в случае успеха это приведет к появлению двух параллельных дел, судебное разбирательство по которым будет проводиться в одно и то же время. В конце концов, заявитель отозвал свое ходатайство прокурору. В 1996 году J.M., новый сожитель матери ребенка, объявил мальчика своим сыном и был признан юридическим отцом ребенка. Впоследствии заявитель снова обратился в Окружной суд с просьбой назначить опекуна ребенка для того, чтобы возбудить дело о признании отцовства. Суд отказался это сделать, посчитав, что заявитель не вправе возбуждать подобное дело, так как теперь юридическим отцом мальчика является J.M.

Вопросы права

Связь заявителя с ребенком является достаточным основанием для того, чтобы отнести их предполагаемое родство к сфере семейной жизни в том смысле, в каком это понятие употребляется в пункте 1 статьи 8 Конвенции. Когда установлено наличие семейных связей с ребенком, государство должно действовать так, чтобы позволить этим связям развиваться, а также чтобы дать правовые гарантии, делающие возможным интеграцию ребенка в семью с момента его рождения. Ключевым в настоящем деле является отсутствие какой бы то ни было напрямую доступной процедуры, используя которую заявитель мог бы требовать признания его отцом ребенка: начало процедуры признания отцовства целиком зависело от усмотрения властей Польши. Кроме того, Европейский Суд отмечает отсутствие в польском законодательстве какого-либо указания на то, как властям Польши следует осуществлять свои дискреционные полномочия, с тем чтобы решить, надо ли оспаривать отцовство, установленное путем заявления другого человека. В-третьих, Европейский Суд считает, что, рассматривая требования заявителя об оспаривании упомянутого отцовства, власти Польши формально отнеслись к осуществлению своих полномочий. Не было принято мер по установлению действительных обстоятельств, имеющие отношение к ребенку, его матери и отцу. Власти Польши ни разу не провели беседу с заявителем для того чтобы установить и оценить его родительские качества. Более того, они вообще не задавались вопросом, повредит ли интересам ребенка

проверка того, действительно ли заявитель является его отцом. Власти Польши просто повторяли в своих решениях, что одного лишь факта юридического признания отцом ребенка другого человека было достаточно для отклонения требований заявителя об установлении его биологического отцовства. В этих обстоятельствах Польша не гарантировала заявителю права на уважение его семейной жизни.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (вынесено пятью голосами «за» и двумя голосами «против»).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд назначил выплатить заявителю компенсацию за понесенный им моральный ущерб в размере 8 тысяч евро.